

ОЛЕГ ПАНОВ

Тулуза

15 февраля. Тулуза кутается в мокрый серо-розовый плащ с прилипшими поствалентинками. Ветер с Пиренеев – этот безжалостный vent d'autan в зимнем обличье – сечет лицо, напоминая о том, что горы где-то рядом, холодные и равнодушные. Поток начинается около 11 утра у порога дома номер 49 на улице du Taur. Час Быка. Поехали. Шаг за порог. Сорок девять. Дюма-отец. Железная ручка двери, холодная, как челюсть мертвеца. Ветер тут же вцепляется в воротник, пиренейский гость, незванный, ледяной палец лезет под шарф. Улица дю Тор, узкая кишка, зажатая кирпичом цвета запекшейся крови. Справа – Fika, шведское тепло, уют, которого у меня сейчас нет. Слева – Grilled Cheese, запах плавленого жира, манящий, предательский, но нет, Amonè напротив смотрит с вызовом, война сыров, битва за желудок студента, пока КБД-шоп торгует спокойствием в стеклянных банках. Мир – это супермаркет искушений. Ботинки Dr. Martens беззаучно чавкают по мокрому камню. Грязь февраля – это смесь пыли веков и выхлопных газов мопедов «Пежо» магрибских курьеров. Мимо колокольни Нотр-Дам дю Тор, розовая стена, cloché mur, кирпичная кружевница, спящая под мелким, как бисер, дождем. Капли на ресницах. Моргаешь – и мир дробится. Вперед, вниз по Тор, к Капитолию. Ветер воет в подворотнях, тихой болью, как брошенный пес. Patas negras. Черные копыта. Свиньи, евшие желуди под испанским солнцем, пока я здесь глотаю сырую тулузскую взвесь. Справедливо ли это? Капитолий. Огромная пустошь площади, залитая тонким слоем воды. Зеркало для облаков. Оккатынский крест под ногами – золотые знаки зодиака, затертые тысячами подошв. Идти быстро, пригнув голову, мимо аркад, где тени прячутся от ледяного дыхания гор. Повернуть налево. Улица Лафайет. Витрины, блеск, ненужные вещи, люди-пингвины в черных пуховиках, зонты выгибаются под порывами, спицы трещат. Рынок Виктор Гюго. Бетонный ковчег.

Запах меняется резко: от мокрого камня к крови, чесноку и морю. Подняться по ступеням, стряхнуть воду с плеч, как старую кожу. Гул голосов, лязг ножей, симфония обжорства. Вот оно. Прилавок. Розовое мясо с прожилками жемчужного жира. Хамон. Тонкий срез, прозрачный, как витраж в соборе. Хлеб хрустит, протестуя против зубов. Соль на языке – вкус океана и пыльных дорог Эстремадуры. Ветер остался там, за стеклом и бетоном. Здесь только я и свинья, ставшая вечностью. Жевать медленно.

Жизнь – это путь от сорок девятого номера до первого укуса. Остальное – просто погода... Челюсти смыкаются. Сопротивление корочки, этот сухой, почти оружейный хруст багета, расступающегося перед мягкостью плоти. О, пата негра! Черное копыто, благородная деградация белка. Жир

тает от тепла языка, мгновенно, как первый снег на теплом ладожском граните, но этот снег соленый, маслянистый, пропитанный духом вековых дубрав Эстремадуры. Кастильское солнце, запертое в розовых волокнах. Жевать. Разрушать структуру. Вкус взрывается не сразу – он накатывает слоями, как прилив в заливе. Сначала чистая соль, йодистая, бодрящая, потом – орех. Желуди! Свинья, бегавшая под корявыми ветвями, впитывала саму землю, превращая крахмал дуба в это сложное, почти философское масло. Я ем время. Я ем три года выдержки в пыльном погребе, где пауки плели свои сети над окороками, пока я ходил по этим же улицам, не зная, что этот конкретный кусок мяса предназначен мне судьбой. Сладковато-пряное послевкусие. Глубокое, как виолончельное соло. Вокруг – хаос. Мясики в окровавленных фартуках кричат, как зазывалы на ярмарке в Барселоне, звон монет о мрамор, запах сырой говядины и устричного льда, но здесь, в этом квадрате хлеба и хамона, царит неподвижность. Центр циклона. Срез мяса на свету – рубиновый, полупрозрачный, с прожилками тирозина, этими маленькими белыми кристаллами, которые хрустят на зубах, как песок на зубах паломника. Знак качества. Знак долгого ожидания. Проглотить. Пустота. Мир снова врывается внутрь: сквозняк от открытой двери, чье-то плечо, толкнувшее в бок, крик «Attention!». Но внутри уже разлилось тепло. Жирный след на губах – это печать.

Я вышел из дома №49 одним человеком, а теперь, на этом рынке, стал другим. Свинья, дуб, соль и я. Квартет завершен. Выйти обратно в февраль. Ветер всё тот же, но теперь он бессилен. У меня внутри – солнце Испании. Идем назад по улице Лафайет? Или кружным путём, загляну в глаза не Нотр Дам, а Сатурнину в Сент-Сернен, но уже с сытостью пророка? Выход из бетонного чрева Виктора Гюго как разрез по Пфанненштилю, незаметный, но невероятно важный. Ветер по-прежнему бьет под дых, но теперь у него нет союзника внутри меня – там, за ребрами, греет кастильский жир. Прыжок в холод. Dr. Martens печатают шаг по мокрому асфальту улицы Rempart Villeneuve. Мимо витрин, где манекены смотрят остекленевшими от скуки глазами на пронзительный февраль. Глупцы, им не ведом вкус желудевой диеты. Свернуть. Улица du Périgord. Библиотека, хранилище мертвых мыслей, молчаливый бастион. А над ней – ОНА. Сент-Сернен. Великая розовая громада. Восьмиугольная колокольня вонзается в низкое небо Тулузы, как палец, грозный капризным богам. Архитектурный псалом. Я иду к ней, тяжелый от хамона и смысла. Сатурнин, бедный епископ, привязанный к быку. Бык несся по улице Тор – по моей улице! – разбрызгивая святую кровь по этому самому кирпичу. А я иду по его следу, неся в себе частицу другой плоти. Круговорот жертв в природе. Обойти апсиду. Кирпич под дождем становится темным, почти бордовым. Brique rose? Нет, сегодня это brique sang – кирпич цвета запекшейся крови. Прикоснуться ладонью к стене. Шершавая, ледяная,

но под ней чувствуется пульс веков. Тысячи паломников терли эти камни своими страхами.

Я прислоняюсь лбом к холодной кладке. Взгляд вверх: там, в вышине, горгульи сплевывают небесную воду мне на капюшон. Крещение Тулузой. Снова на улицу Тор. Вниз, к дому. Теперь я вижу всё иначе. Fika больше не кажется уютной – это лишь временное убежище для тех, кто боится ветра. Grilled Cheese и Amonë – лишь суета вокруг белков и жиров. Я прохожу мимо КБД-шопа, и мне не нужно их спокойствие в банках. Мое спокойствие – в послевкусии пата негры и в том, как Сатурнин смотрит на меня сквозь века. Номер 49. Круг замкнулся. Ключ в замок – скрежет металла, как финал оперы. Я вхожу в темноту подъезда, унося с собой запах мокрой шерсти, холод Пиренеев и вечное, соленое солнце Испании на кончике языка. Эпилог. Тишина. Только дождь бьет в стекло, пытаюсь достучаться до того, кто уже дома.

ВЛАДИМИР ФОМИН

Десятое мая... Победный день прожит
И подвиг в войне вновь на год позабыт.
Потомки героев, вас совесть не гложит
И сердце не ноет у вас, не болит?
Убрали портреты геройские дедов,
Каналы рекламу пустили опять
И с лупой уже не найти даже следа
Парада на Красной, салют не видеть,
Не слышно оркестра, не видно плакатов,
Всё было вчера, но сегодня уж нет.
На год позабыт подвиг русских солдат
И вновь Сталинграда теряется след.
Нельзя отмечать этот день конъюнктурно,
Нельзя забывать вклад советских людей
В Победу над злом, что явилось бравадно
Взять штурмом Москву всего в несколько дней.
Отбились и гнали потом супостата –
Ни шагу назад вот девиз той войны.
Девятого мая день славы солдата
В победе над тьмой и спасенье страны,
А также свободы и мира планеты.
Не только в сей день нужно помнить и чтить:
За солнечный лучик, даруемый светом,
Пришлось миллионами их главы сложить!

Русская берёзка

Берёзы ветви словно пряди
Волос склонили до земли,
Белы, стройны и дивной стати –
Собою взор пленить смогли.

Слегка качаясь, как вздыхая,
Они плясали на ветру.
И взор от них не отрывая,
Любуюсь ими по утру.

Легонько шелестя ветвями,
Огнём на солнышке горя,
Они как будто бы руками
Манили, красоту даря.

Доселе видел красок буйство,
Но так все просто, белый ствол,
Зелёный лист и в сердце чувство,
Что на земле я рай нашёл.

Нигде в заморских странах дальних
Такого дива не сыскать.
Ветвей изгибов идеальных,
Стволов невиданную стать.

Берёзка русская чудесна –
Оплот души, на сердце свет.
Искать иную – бесполезно
Нигде красы подобной нет.

Весеннее небо укуталось в тучи
И мир приготовился плакать навзрыд...
Возможно, апрель чересчур невезучий,
Раз ливни тут норма. И вот моросит

Уже дождь в стекло, барабана сильнее.
Растёт его темп в мрачной серости туч.
От этого вида чуть-чуть холоднее
Вокруг стало даже. Где света тот луч,

Что должен пронзить этот занавес хмурый,
Вернуть поскорей голубой небосвод.
Увы, наблюдаем пейзаж мы понурый,
А дождь припустил, из ведра будто льёт.

Спустя полчаса наступает затишье
И где-то вдали в небе брешь свет нашёл.
Не смог дописать это четверостишье,
Как снова поток вод на землю пошёл.